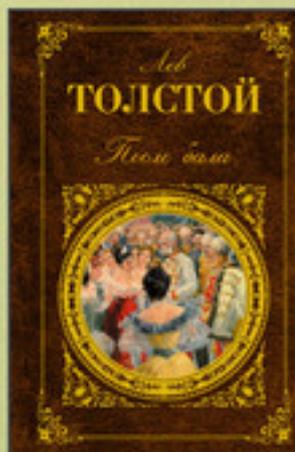

Лев Толстой

Три смерти

*Часть сборника
После бала (сборник)*

Лев Толстой
Три смерти

«Public Domain»

1859

Толстой Л. Н.

Три смерти / Л. Н. Толстой — «Public Domain», 1859

ISBN 978-5-457-11212-4

«Была осень. По большой дороге скорой рысью ехали два экипажа. В передней карете сидели две женщины. Одна была госпожа, худая и бледная. Другая – горничная, глянцевито-румяная и полная. Короткие сухие волосы выбивались из-под полинявшей шляпки, красная рука в прорванной перчатке порывисто поправляла их. Высокая грудь, покрытая ковровым платком, дышала здоровьем, быстрые черные глаза то следили через окно за убегающими полями, то робко взглядывали на госпожу, то беспокойно окидывали углы кареты. Перед носом горничной качалась привешенная к сетке барынина шляпка, на коленях ее лежал щенок, ноги ее поднимались от шкатулок, стоявших на полу, и чуть слышно подбарабанивали по ним под звук тряски рессор и побрякивания стекол...»

ISBN 978-5-457-11212-4

© Толстой Л. Н., 1859

© Public Domain, 1859

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Три смерти

I

Была осень. По большой дороге скорой рысью ехали два экипажа. В передней карете сидели две женщины. Одна была госпожа, худая и бледная. Другая – горничная, глянцевито-румяная и полная. Короткие сухие волосы выбивались из-под полинявшей шляпки, красная рука в прорванной перчатке порывисто поправляла их. Высокая грудь, покрытая ковровым платком, дышала здоровьем, быстрые черные глаза то следили через окно за убегающими полями, то робко взглядывали на госпожу, то беспокойно окидывали углы кареты. Перед носом горничной качалась привешенная к сетке барынина шляпка, на коленях ее лежал щенок, ноги ее поднимались от шкатулок, стоявших на полу, и чуть слышно подбарабанивали по ним под звук тряски рессор и побрякивания стекол.

Сложив руки на коленях и закрыв глаза, госпожа слабо покачивалась на подушках, заложенных ей за спину, и, слегка наморщившись, внутренне покашливала. На голове ее был белый ночной чепчик и голубая косыночка, завязанная на нежной, бледной шее. Прямой ряд, уходя под чепчик, разделял русые, чрезвычайно плоские напомаженные волосы, и было что-то сухое, мертвенное в белизне кожи этого просторного ряда. Вялая, несколько желтоватая кожа неплотно обтягивала тонкие и красивые очертания лица и краснелась на щеках и скулах. Губы были сухи и беспокойны, редкие ресницы не курчавились, и дорожный суконный капот делал прямые складки на впалой груди. Несмотря на то, что глаза были закрыты, лицо госпожи выражало усталость, раздражение и привычное страдание.

Лакей, облокотившись на свое кресло, дремал на козлах, почтовый ящик, покрикивая бойко, гнал крупную потную четверку, изредка оглядываясь на другого ящика, покрикивавшего сзади в коляске. Параллельные широкие следы шин ровно и шибко стлались по известковой грязи дороги. Небо было серо и холодно, сырая мгла сыпалась на поля и дорогу. В карете было душно и пахло одеколоном и пылью. Больная потянула назад голову и медленно открыла глаза. Большие глаза были блестящи и прекрасного темного цвета.

– Опять, – сказала она, нервно отталкивая красивой худощавой рукой конец салоп горничной, чуть-чуть прикасавшийся к ее ноге, и рот ее болезненно изогнулся. Матреша подобрала обеими руками салоп, приподнялась на сильных ногах и села дальше. Свежее лицо ее покрылось ярким румянцем. Прекрасные темные глаза больной жадно следили за движениями горничной. Госпожа уперлась обеими руками о сиденье и также хотела приподняться, чтоб подсесть выше; но силы отказали ей. Рот ее изогнулся, и все лицо ее исказилось выражением бессильной, злой иронии. – Хоть бы ты помогла мне!.. Ах! не нужно! Я сама могу, только не клади за меня свои какие-то мешки, сделай милость!.. Да уж не трогай лучше, коли ты не умеешь! – Госпожа закрыла глаза и, снова быстро подняв веки, взглянула на горничную. Матреша, глядя на нее, кусала нижнюю красную губу. Тяжелый вздох поднялся из груди больной, но вздох, не кончившись, превратился в кашель. Она отвернулась, сморщилась и обеими руками схватилась за грудь. Когда кашель прошел, она снова закрыла глаза и продолжала сидеть неподвижно. Карета и коляска въехали в деревню. Матреша высунула толстую руку из-под платка и перекрестилась.

– Что это? – спросила госпожа.

– Станция, сударыня.

– Что ж ты крестишься, я спрашиваю?

– Церковь, сударыня.

Больная повернулась к окну и стала медленно креститься, глядя во все большие глаза на большую деревенскую церковь, которую объезжала карета больной.

Карета и коляска вместе остановились у станции. Из коляски вышли муж больной женщины и доктор и подошли к карете.

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор, щупая пульс.

– Ну, как ты, мой друг, не устала? – спросил муж по-французски, – не хочешь ли выйти? Матреша, подобрав узелки, жалась в угол, чтобы не мешать разговаривать.

– Ничего, то же самое, – отвечала больная. – Я не выйду.

Муж, постояв немного, вошел в станционный дом. Матреша, выскочив из кареты, на цыпочках побежала по грязи в ворота.

– Коли мне плохо, это не резон, чтобы вам не завтракать, – слегка улыбаясь, сказала больная доктору, который стоял у окна.

«Никому им до меня дела нет, – прибавила она про себя, как только доктор, тихим шагом отойдя от нее, рысью взбежал на ступени станции. – Им хорошо, так и все равно. О! боже мой!»

– Ну что, Эдуард Иванович, – сказал муж, встречая доктора и с веселой улыбкой потирая руки, – я велел погребец принести, вы как думаете насчет этого?

– Можно, – отвечал доктор.

– Ну, что она? – со вздохом спросил муж, понижая голос и поднимая брови.

– Я говорил: она не может доехать не только до Италии, – до Москвы дай бог. Особенно по этой погоде.

– Так что ж делать? Ах, боже мой! боже мой! – Муж закрыл глаза рукою. – Подай сюда, – прибавил он человеку, вносившему погребец.

– Оставаться надо было, – пожав плечами, отвечал доктор.

– Да скажите, что же я мог сделать? – возразил муж, – ведь я употребил все, чтобы удержать ее, я говорил и о средствах, и о детях, которых мы должны оставить, и о моих делах, – она ничего слышать не хочет. Она делает планы о жизни за границей, как бы здоровая. А сказать ей о ее положении – ведь это значило бы убить ее.

– Да она уже убита, вам надо знать это, Василий Дмитрич. Человек не может жить, когда у него нет легких, и легкие опять вырасти не могут. Грустно, тяжело, но что ж делать? Наше и ваше дело только в том, чтобы конец ее был сколь возможно спокоен. Тут духовник нужен.

– Ах, боже мой! да вы поймите мое положение, напоминая ей о последней воле. Пусть будет, что будет, а я не скажу ей этого. Ведь вы знаете, как она добра...

– Все-таки попробуйте уговорить ее остаться до зимнего пути, – сказал доктор, значительно покачивая головой, – а то дорогой может быть худо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.